

**«Поступайте по духу»
«Spiritu ambulate»**

7 сентября 1455
14 воскресенье после Троицына дня
канун Рождества Девы Марии
Бриксен

1. *«Поступайте по духу»*¹.

Павел в этом апостольском чтении учит нас, что человек может поступать двумя путями: либо по духу, либо по плоти. Дух и плоть суть части человека. С другой стороны, поступать значит двигаться к желаемому, движение происходит от вожделения. Тем самым движение человека происходит от противонаправленного состава, от двоякого рода вожделения - к видимому и к невидимому (в том смысле, в каком апостол в другом месте говорит: *«видимое временно, а невидимое вечно»*²).

Всякое движение – из души, дух которой двоится: один телесный, посредством которого она продвигается по этому чувственно воспринимаемому миру. Например, посредством светлого духа по зрительным каналам движется к видимым вещам, посредством другого духа – к слышимым, третьего – к вкушаемым, четвёртого – к осязаемым, и т.д. Все эти чувственно воспринимаемые вещи названы *видимыми*; и поскольку они тленны и временны, дух этот тоже тленный. Другим духом человек движим к невидимому; этот дух бестелесен, невидим и нетленен, как и те вещи, к которым человек его посредством движется.

Что же это за вещи, как тленные, так и нетленные, к которым движется душа, апостол поясняет в послании примером³.

2. Некие философы красиво утверждали, что душа составлена из «того же» и «различного» и уподобляли её числу, которое и просто, и сложно (какова, например, тройка - и неделимая, поскольку не допускает ни «больше», ни «меньше», и, несмотря на это, сложенная из чёта и нечета. Она, однако, сложена из себя самой, ведь раньше числа помыслить ничего нельзя. Если раньше тройки помыслишь три единицы, они не составят тройки, пока не помыслишь их [все три одной] единицей. Но три объединённые единицы суть не что иное, как тройка; следовательно она сложена из себя самой⁴). А раз оно сложно, то тогда оно из одного и другого, или из нечета и чёта, или из неделимого и делимого. Поскольку же число сложено из себя самого, число предстаёт мысли как бы самодвижным.

¹ Гал. 5, 16; воскресное чтение: Гал. 5, 16-24

² 2 Кор. 4, 18

³ Гал. 5, 19-23

⁴ ср. «Простец об уме» VI, 90

И вот они уподобляли числу разумную душу. В самом деле, она и проста, и сложна, причём [сложена] не из иного, [чем она сама]. Поскольку её бытие непосредственно от Бога, Который есть сама простота, она тем самым отпадает от чистой простоты и есть как бы простота сложная. Как орлу свойственна некая лёгкая тяжесть, благодаря чему он взмывает над землёй и летит к эфиру, так и душа обращается либо к вещам, подверженным инаковости, либо к вечным, т.е. тем, что не могут быть иначе, но всегда держатся одинаково. Тем самым, душа видится как бы живым числом, сложенным из чёта, или делимого на части, и нечета, или на части неделимого⁵, ибо она есть жизнь, которую можно мыслить как исчисляющее число⁶.

3. Итак, она – жизнь, сложенная из чувственного, или делимого на части, и интеллектуального, или неделимого. Будучи как бы живым числом, она внутри себя усматривает гармонии и измеряет чувственно воспринимаемую внешнюю гармонию на основании гармонии внутренней и нетленной. Ещё душу можно мыслить как бы живым числом-десяткой, содержащим внутри себя всеисчисляющее число, а также всё то, что во всём является причиной пропорции, или гармонии, иными словами, красоты.

Музыкант берет монохорд и из него на основе определённой численной пропорции извлекает октаву, на основе другого соотношения – кварту, ещё одного – квинту; а из них – гармонии, причём в этом искусстве приемлемым [то или иное созвучие музыкант] признаёт лишь в меру сообразности собственной природе. Ему ведь неизвестна никакая другая причина, почему соотношение одного к двум, или двух к трём, или трёх к четырём – гармония, кроме той, что в звуке он находит некое согласие с тем, что внутри него самого этот звук породило, а диссонанс ему отвратителен из-за своей несообразности его собственному бытию⁷. Тем самым, то, откуда он измеряет и исчисляет, складывает и делит, у него внутри, и он, по словам Боэция, «носимое внутри разворачивает внешними знаками»⁸. Это как если бы ценность золотого динара ожила – тогда она смогла бы и развернуть себя, уподобившись множеству вещей, и свернуть, уподобляя множество вещей себе. Так ценность дуката и простирается на множество мелкой веронской монеты, и свёртывает в себе ценность [всего] множества этой веронской мелочи. Интеллект – это как бы ценность того, что этим интеллектом постигается⁹, т.е. того, что ему подлежит, каковы, например, формы чувственно воспринимаемого. Совершенство интеллектуальной природы свёртывает всё чувственное совершенство, так же как интеллектуальное знание стоит всего чувственного знания, охватывая его и простираясь надо всем такого рода знанием в развёртывании, и единя и собирая все в себе в свёртывании.

⁵ латинская игра слов: par-partibile / impar-impartibile

⁶ ср.: «Простец об уме» XV, 157

⁷ о гармонии см.: «О равенстве» 15; «Игра в шар» II, 90

⁸ Боэций, «Утешение философии» V, 4

⁹ ср.: «Игра в шар» II 113-114

4. Ни ценность, ни пропорцию с уподоблением, ни свёртывание с развёртыванием невозможно понять, не поняв прежде числа; поэтому правомерно говорить о подобии души, выносящей суждение обо всём названном, живому числу, которому судить обо всём этом позволяет собственная сила. И если кто-то скажет, что число – это количество, я отвечаю, что зову душу живым числом не в этом смысле будто бы математического или количественного числа, но в смысле числа субстанциального, от которого как подобие проистекает математическое понятие, ибо математическое число предполагает некое [другое], выносящее о математическом суждение и ипостасное в себе (subsistens) число.

С другой стороны, душа не есть ни число, ни гармония, ни что бы то ни было уловимое чувством или создаваемое воображением. Однако, поскольку она сотворена ради явления ей славы всемогущего Творца, у неё для того имеется интеллектуальное око, позволяющее видеть дела Божии, а также различать и судить, без чего не подняться к удивлению славе Всемогущего. Но всякое различение (без которого не бывает суда) предполагает число: различения не бывает без «одного и другого», а как возможно быть «одному и другому» без числа?¹⁰ Поскольку, следовательно, производит различение число, душу можно назвать неким живым числом, разворачивающим из себя число судящее, или различающее.

5. Если, следовательно, душа от Бога для того, чтобы достичь видения славы Его величия, то тогда тело у души исключительно для восприятия во славу Божию видимых дел Божиих. Поэтому она не должна позволять плоти и видимым вещам воздействовать на неё, не должна предаваться тленным желанием, но во всём должна обращаться к возвеличению славы великого Бога, и так через видимое переноситься к невидимому Богу, чтобы целью стремления был Сам Он. Бог есть сама благодать¹¹, то, что желанно всем. Следовательно, кто держится за плотские желания, там полагая свой покой, тому *бог - чрево*¹². Но дух, сущности которого не причастны ни плоть, ни кровь, гнушается этих тленных желаний. *«Душевный человек не принимает того, что от Духа»*¹³. Бог – *Дух благой*, которого желают все благие духи.

Итак, есть противоположные желания: свойственные тленной природе желания, будучи от чувственного мира сего, временны; желания нетленного духа, не будучи от тленного мира сего, суть желания видеть славу Царя-Миротворца: эта слава есть *превосходящий всякое чувствование мир Божий*¹⁴, радостнее и желаннее её ничего помыслить невозможно.

¹⁰ ср. «Игра в шар» II 76

¹¹ Бог как «*ipsa bonitas*», сама благодать, или сама доброта – определение из Ареопагита («Об именах Божиих» XI, 6) в пер. Траверсари

¹² Флп. 3, 19

¹³ 1 Кор. 2, 14

¹⁴ Флп. 4, 7; синод.: «мир Божий, который превыше всякого ума»

И вот Павел увещает нас *«поступать по духу»*, прибавляя и обоснование: потому что [поступающие] так *«не исполняют желаний плоти»*. *«Ибо плоть желает противоположного духу, а дух - противоположного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы»*¹⁵.

Скажем, при виде красивой женщины *поступит по духу* тот, кто воздаст славу Богу и обратится к удивлению бесконечной красоте, некой отдалённой тени света которой является вот эта [встреченная красота]. Так *поступающий по духу не исполняет* здесь *желаний плоти*, т.е. не вступает в разврат с этой красивой женщиной, ведь красота не смущает его в плотском смысле, а подвигает дух - *по каковому духу он и поступает* – к удивлению славе Творца. Когда в таком человеке возникает страстный порыв соединиться с красавицей, он в духе помышляет: если красивое столь привлекательно даже в тленной материи, то как же тогда влечёт к себе дух сама абсолютная и самосушая красота! и каково же наслаждение от соединения духа с премудростью, которая и есть сама красота, если столь [сладостно соединение] плоти с плотью!

б. И заметь: волю невозможно вынудить к согласию, хотя из-за сопротивления плоти человек зачастую и не может сделать, что хочет: *«в членах есть закон, противоборствующий закону ума»*¹⁶. Грех доброволен, закон же *«дан ради преступников»*¹⁷; следовательно *поступающие по духу* неподзаконны. Поэтому сказано: *«Если вы духом водитесь, то вы не под законом»*¹⁸. Дух ведёт сердца вверх к Господу, плоть же – вниз. Христос сказал о Себе, что Он *свыше*, потому что был ведом духом, тогда как плотские иудеи – *снизу*, ибо ведомы были не духом, а плотью¹⁹.

Павел говорит об *«очевидных делах плоти, каковы суть: прелюбодеяние, нечистота... и т.д.»*²⁰. Все они – следствия *желаний плоти*, которые не только сами временны и тленны, но и *исполняющего их* приводят к тлению и смерти. Но Царство Божие есть жизнь вечная; следовательно таковые не будут владеть Царством Божиим²¹. Для таковых-то и *дан закон*, который есть *закон смерти*²². Во всех этих [делах плоти душа] обращена к инаковости и разделению. Однако плодом движения, которое нам предписано как *поступание по духу*, являются, как сказано, *«любовь, радость мир... и т.д.»*²³ Все они, перечисленные апостолом, возникают из единства и тождества, и потому вечны и нерушимы. Душа направлена к единению и сила добродетели при неотступной устремлённости к единению возрастает. *«На таковых - вот так ведомых принести плод жизни – нет закона»*. Павел здесь имеет в виду, что закон, будучи *дан ради преступников*, запрещая грех, не приносит оправдания. Оправдывает

¹⁵ Гал. 5, 16-17

¹⁶ Рим. 7, 23

¹⁷ Гал. 3, 19

¹⁸ Гал. 5, 18

¹⁹ Ин. 8, 23

²⁰ Гал. 5, 19

²¹ Гал. 5, 21

²² Рим. 8, 2

²³ Гал. 5, 22-23

не запрет, а вера; заставляя нас *поступать по духу*, она тем самым и оправдывает (что бывает отчётливо видно по перечисленным апостолом плодам).

7. Павел заключает: «*Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями*»²⁴. Таковые умертвили свои земные члены, в которых жив один только Дух Христов.

Обрати внимание: сказано, что *плоть распята со страстями и похотями*. Обязанный следовать за Христом христианин не должен предоставлять плоти свободу поступать сообразно *страстям и похотям*, но пригвождать её ко кресту неустанным памятованием о смерти. В ком господствует плоть вместе со своими *страстями и похотями*, те подчинены *князю мира сего* и не суть Христовы, ибо Царство Христово не от мира сего и из этого Царства может быть только тот, кто распятием победит лукавого.

8. Брань, о которой у Павла ²⁵, есть «начало и корень всякой брани и противостояния», и некий проповедник²⁶ находит эту брань удивительной.

«Это как если бы вступили в противоборство два друга, с детства росшие вместе, привязанные друг к другу, так что жизнь одного невозможна без участия другого». «Нет в этом мире большей дружбы, чем между душой и телом, что очевидно, ведь дружба означает единение: «Друзья хотят или не хотят того же»²⁷.

«Такого рода единение бывает разным, например, единение граждан, которые совместно проживая в одном городе, любят друг друга. Более тесное единение – у проживающих в одном доме родственников, между которыми любовь ещё сильнее». Ещё теснее единение мужчины и женщины. «Наконец, душа находится в единении с телом, составляя вместе с ним единого человека; это единение – самое тесное, и любовь между ними другим не превзойти».

9. В среде первых возникают разногласия и разделения, вплоть до того, что одна партия пытается уничтожить другую, тогда как дух по природе не желает разлучаться с телом (поэтому Христос и говорил: «*Да минует Меня чаша сия*»²⁸). Друзья второго рода делят то, что у них общее, например, братья и сестры – имущество.

«Плоть же и душа никогда не стремятся разделяться, но во всем сообщаются друг с другом, оставаясь едиными и в действиях, и в

²⁴ Гал. 5, 24; синод. «со страстями и похотями»

²⁵ Гал. 5, 16-17

²⁶ §§ 8-11 ниже – по Альдобрандину Тосканелли (проп. 13 воскр. после Троицы «*Caro concupiscit adversus spiritum*»)

²⁷ популярная сентенция из Саллюстия, «О заговоре Катилины» XX, 4

²⁸ Мф. 26, 39

страданиях. Аристотель в книге I «О душе»: «Сказать: душа радуется или печалится - всё равно что сказать: она ткёт или строит дом»²⁹. Не бывает действия души без плоти».

Тесно единение мужа и жены («*Потому оставит человек отца и мать и прилепится к жене*»³⁰), однако по смерти одного оставшийся вступает в новый брак. А между плотью и душой не так: плоть никогда не захочет другой души и наоборот. Душа настолько привязана к телу, что

«даже блаженство для неё невозможно без воссоединения с телом. Поэтому как вместе старались заслужить награду, так вместе будут и получать её. И не найдётся души, у которой тело было бы настолько безобразным, чтобы воссоединиться вместо него она предпочла хоть даже с целым прекраснейшим миром (потому что с последним она несоразмерна, тогда как завершённость (perfectio) должна соответствовать тому, для чего она собственно завершённость³¹)».

«Однако в этой дружбе душа оказывается более верной: в своей предупредительной заботе об обеспечении тела она изобретает всё, что требуется для его сохранения. украшения и ублажения. Разум изобретает земледелие ради необходимой для сохранения тела пищи; а для его удовольствия – притирания, порошки, снадобья, краски, приправы, а также различные искусства, служащие украшению головы и всего тела, и т.д.»

10. «Именно потому, что дружба столь велика, и удивительны слова Павла, что *они друг другу противятся*³². И ещё плоть, немощная, ни быть, ни жить неспособная без души, как может эта немощная плоть восставать на сильнейшего и бдительнейшего духа? Кроме того, плоть наша от рождения нага, лишена рогов и когтей, как же воевать ей с вооружённым знанием и доблестями духом?

Этот проповедник, Альдорф, отвечает, что

«брань возникает по причине движения, а именно: движения, связанного с послушанием, с комплекцией, с разрушением.

По причине движения, связанного с послушанием – [связанного] потому, что всякой твари врождено послушание своему Творцу. Исключением являются только грешник и бес: воля грешника Творцу сопротивляется, поэтому [и сам грешник] заслуженно подвергается через непослушание нападению от своего подчинённого. Именно это имеет в виду Исидор,

²⁹ Аристотель, «О душе» I, 4 408b11-13; «Auctoritates Aristotelis» VI, 14

³⁰ Быт. 2, 24

³¹ «perfectio debet respondere proprio perfectibili»; «perfectio» здесь – латинское соответствие аристотелевской «энтелехии»

³² Гал. 5, 17

когда говорит о гордеце: «Ни плоть не покорится душе, ни страсти разуму, пока дух (animus) не покорится Творцу. Наши подчинённые по праву покорятся нам тогда, когда мы сами покоримся Тому, Кто подчинил их нам»³³. Поэтому, хотя плоть с душой и состоят в дружбе, всё же, по слову мудреца, почтить истину свято для обоих друзей³⁴, а уж тем более ту [Истину], что сама есть источник истины, ту, что сказала: «Я есть путь и истина и жизнь»³⁵.

11. Ещё причина, почему *плоть желает противного духу*:

«Каждая вещь действует сообразно своей форме, так холериков легко охватывает гнев, сангвиников – сладострастие, и т.д. Плоть же – это, как сказано в 1 главе у Иеремии, «дышащий жаром кипящий котёл на огне»³⁶. Душа все время для подпитки пламени «подкладывает дров», вытягивая ему отовсюду живое питание, разнообразную на вкус пищу: глазами – красивые цвета, ушами – мелодии, устами – приятные вкусы, ноздрями – ароматы. Всего этого она получает больше, чем требует цель, отчего сердце разжигается и воспаляется. По этой причине и ещё потому, что всякая плоть повреждена, гноится, и источает смрадный запах тлена, наносящий вреда больше, чем испорченная пища, душа, будучи уже извращена плотскими наклонностями, вдыхает этот исходящий от плотского сладострастия смрад; поэтому неудивительно, что она разрушается и делается скотской. Златоуст: «Человека уподобляет животным всякое плотское действие, но более всего – дела сладострастия».

12. Майстер Матфей из Кракова, задавая вопросы в книге «О том, что Бог сотворил всё хорошо»³⁷, среди прочего спрашивает, почему душа «соединена с низменным прахом плоти»? Так сделано, - говорит он, - с величайшим смыслом

«для обнаружения божественного мастерства, а именно, что оно способно соединить вещи, столь различные. Кто бы поверил, что между вещами столь несоразмерными и далёкими друг от друга может быть единение такое, что из них даже возникнет одна личность? Кроме того, смысл ещё и в том, что захотев сотворить субстанции, Бог сотворил их для всякого рода, т.е. духовную, телесную и составленную из того и другого». Ещё «чтобы духовное творение - видя возможность как для себя оказаться связанным даже и с самыми низкими тварями единением (или влечением, или союзом) столь тесным и оказаться в нищете столь великой, что само станет нуждаться в них для получения многих благ, так и для них - подняться в чине настолько и обрести над этим духом власть

³³ Исидор Севильский, «Сентенции» I, 9.11

³⁴ см.: Аристотель, «Никомахова этика» I, 4 1096a16-17; «Auctoritates Aristotelis» XII, 9

³⁵ Ин. 14, 6

³⁶ Иер. 1, 13

³⁷ отсюда и до конца – по Матфею Краковскому, «Разъяснение божественных дел» («Rationale divinarum operum» VI, 6)

такую, что смогут связывать его склонностями даже и к ничтожным вещам – избегало, несмотря на своё благородство, гордыни и училось в смирении, не гнушаясь, бережно править ими. Такое соединение было не только осмысленным, но и – как видим - необходимым до такой степени, что не будь его, духовные и телесные создания лишились бы порядка и союза, и тем самым менее совершенным оказался бы весь строй универсума».

И, наконец, он многословно разъясняет, что без соединения с разумным духом всей телесной природе самостоятельно не достичь возможности помогать ангелам в прославлении Бога, а ведь именно для этого она и сотворена! Помочь ангелам в прославлении Бога возможно только человеку, как возможно ему также и восстановить ущерб от их падения, и возвысить телесную природу.

13. Спрашивает:

«Почему Бог сотворил телесные вещи доставляющими столь сильные наслаждения?»

Отвечает:

«Наслаждение возникает от приложения к воспринимающей вещи чего-либо, что ей подходит. Тогда, поскольку Бог сотворил вещи чувствующие и одушевлённые, нужно было сотворить также и приносящие наслаждение, и Он их создал – чтобы в творении можно было выследить бесконечную сладость Бога, и ещё потому, что наслаждения не заслуживали бы хвалы, ну будь они присущи как духу, так и плоти. Если бы их не было у плоти, а были только у духа, то тогда низменная плоть оказалась бы в небрежении. Кто бы прилагал столько заботы и трудов к добыче пищи, питья, одежды, к рождению и воспитанию потомства - всему, что требует столько забот, нужды, труда, не приноси пользование всем этим наслаждения и не будь их отсутствие мучительным? Тогда люди – как каждый по отдельности, так и весь род людской – меньше бы заботились о сохранении жизни. Некоторые и без того уже устают от такого рода забот и трудов.

Разум потребовал сильного наслаждения от плоти, и чтобы превозмочь упомянутую усталость от трудов, и чтобы тем большими были усилия, испытания, победа и венец противоборствующего [плоти] духа, и ещё чтобы сила плотского наслаждения убеждала в силе наслаждения духовного (в которую поверить трудно, так как ощущают его редко и в слабой степени), и ввиду низменности этих [плотских] наслаждений она бы представлялась более убедительно: ведь если в низменном, скверном, постыдном и в силу этого мучительном плотском деле столько наслаждения, то какое же несравнимо более сильное наслаждение надо ожидать от дела благороднейшего – совокупления духа с Богом, Который в высшей степени благ и сладостен! И вдобавок ещё, чтобы дух и плоть считались в некотором смысле супругами, равными в том отношении, что как дух иногда до того, воспаряя, отчуждается и отрешается от плоти, что

в каком-то смысле лишает плоть ощущений, или, по крайней мере, выглядит ничем через неё не ощущаемым, так и у плоти бывают некоторые действия, независимые от работы разума.

Теперь, когда найдено уместным, чтобы плотское наслаждение было сильным, крайне необходимым оказалось, чтобы присуще оно было делу постыдному; в противном случае, если бы дело было благородным, оно стало бы для людей слишком притягательным и люди, забросив разум, сделали бы скотами. Поэтому оказалось полезным устроить так, чтобы насколько пленяет наслаждение, настолько же удерживали бы стыд, гнусность и безобразие дела, равно как и либо заботы, которые несёт с собой брак, либо позор и опасность для чести, тела и души, обычно преследующие прелюбодеев. А люди тем самым не имели бы повода обвинять Бога (хотя они всё равно это делают вопреки всякой справедливости: ведь так много чего должно их сдерживать, если бы только захотели заметить)».

14. Спрашивает опять, «по какой причине соединение души и тела сопровождается таким раздором?» Ответ, во-первых, такой: В состоянии невинности душе было отведено достойное место над плотью. Но поскольку она оскорбила Бога и злоупотребила своим достоинством, склонившись против заповеди Божией к плоти, то тем самым оказалась лишена свойственного её достоинству господства. А что в духе нашлась возможность склониться к плоти, проистекало из того, что ведь и в теле есть возможность быть ведомым к лучшей, чем оно имеет по своей природе, склонности, тем самым получая доступ к небесным наслаждениям и духовным радостям.

Кроме того,

«очевидно, что у духовного и телесного создания, которые столь далеки друг от друга, что едва ли сочетаются в высшем и последнем роде, ни в коем случае не может быть одних и тех же природных - поскольку природы их столь несоразмерны - склонностей, но тело склонно к телесному, а дух - к духовному».

«И коль скоро единение их должно было быть подлинным, им нужно было оставаться некоторым образом различными в природных склонностях, иначе они очевидным образом стали бы скорее чем-то одним, а не объединённым. (15.) Но как станет явным такое различие, и каким оно будет, если между самими объединёнными [элементами] нет никакой разницы? Кто естественным путём поверил бы, что дух присутствует больше в теле человека, чем бессловесного скота, если бы в человеке были заметны одни только телесные действия и аффекты и никаких духовных, чуждых плоти и противоборствующих ей? Ведь даже теперь, невзирая на их столь очевидное и легко различимое противостояние и тяжбу, многие безумцы сомневаются в наличии души или духа в человеке, или даже отрицают его. С другой стороны,

различайся они во всём, так что между ними не было бы никакой взаимной зависимости и привязанности, чем тогда доказать их соединение? [Элементы], соединённые таким образом, что ничем друг друга не притягивают, но каждый без труда по своему или чьему бы то ни было хотению поворачивает, куда хочет, без другого, разлучаясь с ним, можно назвать рядоположенными, но не соединёнными, примером чего служит собирание кучи из камней. Поэтому о благом или злом духе говорится не что он «соединяется» с телом, но что «принимает» его; и Дух Святой тоже не соединялся с голубем в том смысле, в каком Слово – с человеческой природой.

Соединёнными же уместно называть те [элементы], чья взаимная связь такова, что - в силу ли природных или приобретённых когда-то свойств, или в силу свободного и произвольного аффекта – один затягивает другого даже в то, что тому в другой раз самому по себе было бы и не столь приятно и удобно. Поскольку между телом и душой всё именно так [и устроено], их единение представляется очевидным. То, что одно бывает влекомо и уклоняемо другим, подтверждает их единение, и в то же время различие и противоположность склонностей доказывает их разницу и природное различие.

Вдобавок, так как человек согрешил и по разуму (в том, что недолжным с точки зрения разума образом правил), и по плоти (тем что согласился с её наслаждением), он заслуженно должен был понести наказание и в том, и в другом, а также через то и другое. И в чём лучше могло это осуществиться, как не в таком их взаимном притяжении, отталкивании, противоборстве, причём не только одного с другим, но и так, что внутри каждого тяжба с самим собой? Ибо они не сохранили предоставленного им мира».